

Часть первая

УГЛИЦКИЙ МЛАДЕНЕЦ

Плохие дети встречаются редко. Отвратительных детей почти не бывает.

Царевич Дмитрий Углицкий был отвратительным ребенком.

Несмотря на это, он был всеми обожаем.

И никто в Угличе не сомневался, что это будущий царь России. И что он будет, пожалуй, погрознее своего родителя Иоанна — царь Дмитрий Иоаннович Грозный.

* * *

В середине апреля сухим путем, по едва просохшим дорогам прибыл в Углич в большой, здорово поношенной карете посланец

Бориса Годунова. То ли чех, то ли итальянец, доктор по имени Симеон.

В письме, переданном царице Марии Федоровне и ее братьям Нагим, было написано, что он будет обучать царевича латинскому и другим языкам. Что надо принять его и обустроить.

С ним прибыли и подарки царевичу от его брата Федора — игрушечные латы, игрушечный меч и короткий позолоченный кинжалчик.

— Еще одного досмотрщика прислали, — сказала царица Марья. — Мало им Волоховой.

И велела поселить приезжего в самом дальнем краю дворца.

Но при иностранце оказалось другое письмо из дома Романовых. На имя брата царицы — Михайлы Нагого. В нем намеками сообщалось, что этому получеху-полуитальянцу можно доверять, что это верный человек и что от него будет много пользы. Что он врач и многим наукам обучен.

И действительно, учитель всерьез занялся ребенком. С раннего утра он был рядом с мальчиком. На свежую голову они занимались письмом и латынью. Потом катались верхами. Потом иностранец обучал царевича военным приемам и читал историю.

В борьбе или сражении на саблях царевич зверел, кусал учителя и бил его деревянной саблей по-настоящему.

— Ты не царевич, — говорил чех с легким акцентом, — ты припадочный волчонок. Ты недолго просидишь на троне.

Дмитрий еще больше злился, но сквозь злость крепко уважал сильного и умелого учителя.

А свою злость и желание сесть на трон он показал еще зимой. Вместе с другими ребятами ставил снежные фигуры у крыльца и, срубая им головы прутом, приговаривал:

— Это Бориски голова! Это Щелкалова голова! Это Михайлы Битяговского башка!

Ясно, что эти игры быстро становились известными в Москве. И надо сказать, мало радовали шурина царя Федора и фактического правителя Руси — Бориса Годунова.

Многие люди считали, что дни царевича сочтены. Что, того и гляди, он отправится в путь небесный. Не зря же одна из его кормилиц год назад умерла от отравы в еде. Но пока младенец был жив, очень многим люд ставил в зависимость от его здоровья и возраста свои планы.

На третьей неделе учитель попросил у царицы Марьи разговору.

— Государыня Мария Федоровна, надо думать, как уберечь царевича.

— Как так уберечь? — спросила царица. — Как бережем, так и убережем.

— Так мы его не убережем, — сказал итальянец. — Надо искать подменного. Надо

найти мальчишку, похожего один в один, и держать его на подставу.

Несмотря на свою иностранность, этот получех говорил по-русски ясно и без ошибок.

Слово было произнесено, и оно запало.

Братья царицы-сестры, Михайло, Андрей и Григорий, согласились не сразу.

— Ведь Бориске донесут мигом, — сказал недоверчивый Григорий.

— И пускай, — сказал младший Андрей. — Ну и что?

— А то, — отвечал Григорий. — Тебя тут же и спросят: «Для чего подмену готовите? Или не доверяете кому? Кому не доверяете? Или опасаетесь кого? Кого опасаетесь? Был один царевич, стало два. Для чего царевичей разводить?»

— А вы поменьше болтайте, — оборвал их старший, Михайло Нагой. — Вот никто и не спросит. Появился лишняя мальчонка во дворце — только и делов-то.

Стали искать нужного мальчишку. И он быстро нашелся, как по заказу. Сын юривой женки Орины, жившей у Битяговских и ходившей к Андрею Нагому, был просто копией царевича. Столичный итальянский влах одобрил этого никому не нужного мальчишка — незаконного сына Федота Офонасьева.

Андрей велел привести мальчишку во дворец. Здесь его и держали для игры с царевичем. Звали мальчишка Афанасием. Женка-

мать тоже была пристроена к делу — к стирке дворцового белья.

Симеон тихо начал подгонять приемыша под царевича. Надо было сделать так, чтобы в любую минуту он мог стать царевичем, но чтобы в обычные дни никто не замечал их чрезвычайного сходства.

Это начинало получаться. Чумазый и бедно одетый ребенок резко отличался от царевича Дмитрия и забитостью, и общим выражением лица.

Но причесанный и умытый и в расшитом золотом царском кафтанчике, он смотрелся не хуже злобноватого, дерганого царевича. Сделалось возможным совершить подмену в любую минуту.

Это-то и принесло самую большую неприятность.

Однажды во время обедни, когда во дворце никого не было, учитель решил закончить эксперимент. Он позвал Афоньку в свою комнату, причесал мальчика, заставил его надеть белое полотняное белье: штанишки и рубашку.

После этого мальчик натянул красные сапожки, обмотав ноги чистыми белыми платками, сверху надел темный, прошитый золотом кафтанчик и подпоясался ремнем, окованным бронзой. Затем Симеон набросил на него шелковую перевязь — получилась

просто картинка. Осталось только пригласить в комнату царевича и вживую сравнить ребят.

Вдруг в городе ударили в набат. Очевидно, что-то случилось. Скорее всего загорелся какой-то посадский дом.

Мальчишка выскользнул из рук ученого иностранца, сбросил перевязь ему на руки и в парчовом царском кафтанчике выскочил на задний двор. Симеон стал высматривать в окно: что случилось, отчего набат?

В это время царевич Дмитрий вернулся с обедни.

Он нос к носу столкнулся с оторопевшим Афонькой.

Вид прислужного мальчика в царском кафтане привел Дмитрия в невменяемость. Без всяких рассуждений он подскочил к двойнику и, как его учили в тренировочных боях, всадил игрушечный кинжальчик мальчику в горло.

Афанасий захрипел и начал биться в судорогах на земле, истекая кровью.

Оказавшийся на улице Симеон не раздумывал ни секунды. Он схватил царевича в охапку, завернул в перевязь и бросился в сторону конюшен. Быстро, но не очень торопливо.

Его поношенная карета стояла под навесом. Он впихнул сумасшедшего царевича туда и приказал:

— Сиди тихо, а то убьют!

После этого он растолкал Тимофея Петрова — конюха, спавшего на остатках зимнего сена, — и велел запрягать его карету. Он не стал возвращаться во дворец. Иноземец не очень доверял русским порядкам и русским слугам и всегда все свое носил с собой.

Через четверть часа карета итальянца выехала из города через Спасские ворота и взяла курс на Москву.

А по всему маленькому городу Угличу уже лился тревожный бой набата. Люди останавливались и поднимали головы в сторону высокой городской колокольни. И бежали уже люди со всех сторон к царскому дворцу с криком:

— Дьяки убили царевича!

— Дьяки царевича убили!

Первым «вверх», то есть во дворец, прибежал мальчик Петрушка Колобов, верный товарищ царевича, и сообщил, что царевич на заднем дворе поколосся ножом.

Петрушкина мать Марья — постельница царевича — с воем бросилась на задний двор. Следом за ней сбежала по лестнице заранее обезумевшая царица Марья.

Во дворе уже находилась кормилица Орина Жданова-Тучкова с окровавленным мальчиком на руках, и рядом с ней стояла и при-

читала растерянная мамка-воспитательница Василиса Волохова.

— Я не виновата! Я ни при чем! Я ни при чем! — бросилась она к царице-матери.

Но Марья (она же Марфа) и слушать ее не стала. Она вырвала из ближней поленицы полено и стала бить Василису Волохову по голове.

— Это все ты! Это все ты! Твой сын Осип! Это Данила Битяговский! Это Никитка Качалов!

Злость захлестывала царицу. Она знала, что так и будет.

Мало того что ее, красавицу, выдали замуж за старика-урода царя! Мало того что этот царь, этот царь-полутруп еще при своей жизни сослал ее в изгнание в этот маленький глухой город! Так теперь еще сына убили! Отобрали и сына, и последнюю надежду поцарствовать, свести счеты со всеми врагами-ненавистниками.

Это не просто сына убили. Это убили всю жизнь.

Она дико кричала, и била, и била поленом по голове Василису Волохову! У Волоховой уже были перебиты пальцы! Волохова валялась в ногах, умоляла ее не бить. Вся голова у нее была в крови, а царица не могла перестать.

Появились ее братья. Оба прискакали верхами: пьяный Михайло Нагой и полупьяный Григорий.

Григорий не удержался и тоже стал бить ногами мамку.

Отовсюду сбегался и съезжался люд. Посадские, слободские, посошные люди... Рабочие с пристани с топорами. Казаки с судов. Какие-то люди с рогатинами...

— Дьяки убили царевича!

Набат бил все тревожней и тревожней. И со всех сторон несло:

— Дьяки убили царевича!

Прискакал на взмыленной лошади сам старший дьяк Михайло Битяговский. Он пытался успокоить народ. Но не тут-то было.

— Бейте его! — приказал Михайло Нагой.

Прислужливый люд первым начал дрекольем бить Битяговского и стаскивать его с лошади. А как же не бить, ведь прозевали царевича, надо хоть здесь выслужиться перед царицей.

Особенно старался конюх Тимофей Петров, который к этому времени окончательно проснулся. Тяжелая оглобля в его руках переломала не одну защищавшуюся руку.

Михайло Битяговский на коне пробился к деревянной избе для служилых людей и даже успел запереться. Но толпа выломала дверь, выволокла Михайлу наружу и забила камнями и палками до смерти. Заодно убили Данилу Третьякова, человека Битяговского, который тоже оказался в избе.

На свою беду прибежал на задний двор Никита Качалов — друг Осипа Волохова, сына забитой мамки.

— Бейте его! — кричала ополоумевшая Мария. — Вот он, убийца!

Никиту Качалова забили.

Откуда-то приволокли полуживого, ничего не понимавшего Осипа Волохова и на глазах у царицы Марфы убили окончательно.

Служивый человек Волоховых Васька было кинулся закрыть хозяина телом, так в момент забили и его.

Толпа озверела. Стали бегать за всей семьей Битяговского и его людьми. Притащили к царице его мать и сестер. И если бы не вмешательство попа Спасского собора Богдана и других священников, их забили бы до смерти тоже.

Кровь лилась рекой.

Сына Битяговского Данилу убили в дьячей избе. После всего всем миром разграбили дом и подворье ненавистного дьяка.

Питье в бочках из погреба Битяговского выпили и бочки покололи. Со двора забрали лошадей девятеро. Пусть от проклятого дьяка будет польза. Под шумок увели их в дальние деревни.

Все ненавистное семя людей Годунова было убито или попрыталось. Многие дьяковы люди убежали в леса.

Долго еще волны злобы и крови перека-

тывались из края в край Углича. Долго еще звенел и плакал колокол.

Постепенно злоба стала затихать. Все стало успокаиваться.

Вспомнили о Москве.

И это воспоминание было таким нехорошим, что в животе холодело, а ноги подгибались.

Убитого царевича Григорий Нагой прилюдно отнес в собор Спаса Преображения, где младенца оставили для отпевания и похорон, чтобы все жители города могли пойти и проститься с ним.

Только этого не произошло. Заплаканные женщины в мрачных черных платках и вооруженные ножами люди из дома царевича встали на ступеньках храма и ни одного человека не пускали внутрь.

Ни один горожанин так и не сумел в этот день увидеть убиенного столь дорогого всем царского отрока и проститься с ним.

* * *

Чех-итальянец Симеон, покидая город, понимал, что главная тайна и опасность для Московии уезжает из Углича вместе с ним в его карете.

На сегодняшнем языке ее бы назвали «детонатор для огромной бомбы по имени государство Российское».